

ЛЕВ ИСАКОВ

ЭТНОГЕНЕЗ РУСИ И СЛАВЯН

ДАВНИЕ ПАМЯТИ

Лев Алексеевич Исаков

Этногенез Руси

и славян. Давние памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42832375

ISBN 9785449697936

Аннотация

Вторая часть одноимённой монографии развивает вглубь основное положение автора о Славкино-Именковской археологической культуре Волго-Камья 2—7 в., как акте финального этапа генезиса культур русско-славянского языкового круга, открытого драматическим соперничеством Энеолитических и Бронзолитических культур Евразии на пространстве от Алтая до Скандинавии, обрушенных агрессией Сейминско-Турбинского культурного феномена, открывая индоевропейцам Западной Евразии Железный Век. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ЗАМЕЧАНИЕ К НАПИСАНОМУ	5
Дуализм древнерусской летописной историографии: и где же ты, Киев?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Этногенез Руси и славян Давние памяти

Лев Алексеевич Исаков

© Лев Алексеевич Исаков, 2019

ISBN 978-5-4496-9793-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАМЕЧАНИЕ К НАПИСАНОМУ

В первой части изложения этой темы (Этногенез Руси и Славян: Где ты был, Иван?) я невольно (доверие к интеллекту читателя? или же «авторская глухота»?) пропустил без разъяснения один пассаж к основному теоретическому утверждению, что антропогенез вырастает – естественно, по мнению автора – **не только на основе изменчивости**, порождающей только цветущую множественность т.е. разбегания от единственного закономерного целеположенного результата, а на основе её нарастающего купирования, т. е. **укрепляющегося консервативного, а не следующего эволюционному, процесса**, но осуществляемого динамическим путём; в подтверждение чего привёл свидетельство: ДНК орангутанга имеем 250 геномов изменчивости; ДНК шимпанзе 1500; ДНК человека 2500, что было воспринято как противоречие утверждению выше. **Разъясняю: я уподобляю это нанизывание геномов изменчивости, как ситуацию нарастающего ОБЩЕГО БИТОГО ПОЛЯ, подобно тому, как лодка, 2500 гребцов которой гребут в разные стороны под свои усмотрения, НИКУДА НЕ ПОПЛЫВЁТ. И это условие сохранения вида НОМО SAPIENS SAPIENTIS – в противном случае какой-либо взбесившийся геном убьёт целое хотя бы раком...**

Дуализм древнерусской летописной историографии: и где же ты, Киев?

Следует признать, уже внимательное прочтение ПВЛ, хотя бы и догматизированного Лаврентьевского списка, рождает убеждение, что дуализм «западничества» и «ему антагонизма» запрятан уже в первых столбцах Начальной Летописи, и как только оформляется «северная баллада» о Рюрике – Синеусе – Труворе (или Рюрике со /Своим домом/ и /Верной дружиной/, как то вычитывают знатоки старошведского языка) – ему немедленно выставляется контр-позиция «Кия – Щёка – Хорива и сестры их Лыбеди» южно-русского легендарного цикла...

При этом они очевидно не равновесны: первая привязана к династической генеалогии потомков Ярослава Мудрого, т.е. вполне книжная, элитарная, не выходящая за пределы письменных источников – вторая широко развёрнута даже в топонимике; и развита теоретически в летописании вплоть до целостной концепции о «славянах-руси из Норик», даже присутствует в современном обороте в форме теории «Дунайской прародины руси». К тому добавлю одно наблюдение из моей работы «Баснословия и разыскания о начале Руси», что сама по себе эта южная версия является в ряде мест

скрытной декларацией пути «к Риму» вместо официальной ориентации «к Константинополю», выразительно привязывая обретение грамотности Руси не к Кириллу Болгарскому, а к Мефодию Моравянину, благословлённому на то Папской курией. Можно указать в связи с этим уклонение в католицизм Владимира Святого в последние 10 лет его правления; опору Святополка Окаянного на католическую Польшу в войне с братьями; широкие идеологические, династические и политические связи Ярославичей с Католическим Западом вплоть до прямого подражания Владимира Мономаха западноевропейским Крестовым Походам в степной кампании 1111 года.

Но при внимании к материалу, особенно когда с глаз падёт зашоренность декларируемыми стереотипами и возникает отчётливое понимание, что как «норманисты-Шлецеры», так и «антинорманисты-Ломоносовы» не более чем «западники», разодравшиеся в своей узкой склоке, кто построил государственность для «руси», Рэрики ли Датские или Рароги Лехитские, Датскую государственность для которых уловили только в промежуток 916—958 годов с утверждением власти Кнуда 1 Хардекнуда и его сына и основателя династии (?) Горма Старого – у вагрийских славян-лехитов её так и не случилось... Пристрастное же и слепое русское чувство прилепилось к лехито-варягам: «Наших Бьют!»

– только переступая через это, сознательно соотнося материал летописи с данными исторической науки 19—20-го

веков, и особенно в объективной области археологии, обнаруживается выразительная картина большей основательности именно «северной» составной летописных сводов. Как оказывается, Киёвичи никак не могли появиться на Борищевом взвозе у Днепра в 6—нач.7-го века: до конца 9 века Киева не существовало, древнейшие его постройки, обнаруженные и датированные точными методами дендрохронологии, появились не ранее 890 года, расходясь с более ранними постройками Новгорода в 5—10 лет, и уступая древнейшим строениям Старой Ладogi на целое столетие. Т.е. оба знаменитых центра древней Руси основаны в одно и то же время в 880—890-х годах в выразительной привязке друг к другу и к летописной «эпохе Олега»; в полное исключение какого-либо «Рюрика». Впрочем, можно было бы сказать проще и категоричней: собственно «Русский Киев» не мог существовать до середины 9 века, т.к. весь период 7—сер.9 веков Правобережье Днепра входило в Болгарскую державу Крума – Омуртага, вплоть до того что великий Омуртаг погиб на охоте в хазарской засаде в районе современного Запорожья... Этот период можно смело продлить вплоть до 890 года, когда из района Киева ушла теснившая болгар венгерская орда Арпада, двинувшаяся «в обретение родины» на Дунай.

Впрочем, и Олегова биография, исключая договоры 907 и 911 года с Византией поровну недостоверна и мифологична: кулуарно историческое сообщество вполне согласилось, что летописно-широковещательного «грандиозного

похода 905—907 гг. на Константинополь» вообще не было — на него перенесены сообщения о знаменитом реальном набеге 860-го года Аскольда Северского (=Варяжский у летописца), о котором сами русские узнали в последнюю очередь и при полном препятствии летописцев; сама же Олегова биография прошита отголосками легенд едва ли не «Времён Бусовых», как например сохранившейся в Исландии саги о смерти Одда Стрелы от собственного коня, восходящих к эпохе реальной Готской Державы 2—4-го веков в Северном Причерноморье...

К этому «Олегову периоду» «норманисты» (Д. Мачинский) привязывают русский набег 895 года на каспийское побережье Табаристана, как бы прописывая через арабские источники историчность «норманнской руси) — но его исходный пункт?... Связать его с «Киевом» очень трудно как по крайне малому сроку существования города в глубине новообретённых земель (летописный 882 год); так и по геополитическим условиям движения, теоретически возможным только при тесном взаимодействии всех политически субъектов, обретавшихся в бассейне Днепра-Дона-Волги, среди которых кроме славянских предгосударств радимичей, вятичей, северы налицо были могучие империи хазар и болгар, многосложно связанных выгоднейшей транзитной торговлей с арабским миром... В целом современные авторы, отрешаясь от «Киевоцентризма», переходят на точку зрения, что эта военно-политическая активность 840—890-х годов свя-

зана не с «киевской», а с «северской» русью, носителями волынцевской и салтовско-маяцкой археологических культур; славянский характер первой из которых несомненный – о второй идут дебаты, «аланская» она или нечто, но наличие в её составе мощного славянского субстрата декларируется: утрируя гг. Галкину и Кузьмина, примчались многоумные кавалеристы-осетины и научили смиренных славян, кроме каменного градостроительства по технологии северо-кавказской сухой кладки, что вполне возможно, ещё и кораблестроению и морской навигации, что фантастично...

В то же время «Легенда о Киёвичих», если отнести к ней с должным уважением, весьма интересна: и необычным содержанием этиологического мифа, и его оформлением в источнике, и отношения к нему летописца. Про последнего можно сказать, что он настолько верит мифу, что опускает его до повседневного прагматизма, толи истории князей, толи толков о перевозчике, из которого он отстаивает «княжью правду». Сам приземлённый из богов в людей топоним летописец выводит из «дунайской стороны», возводя к «юстиниановым временам» по эпизоду с безымянным славянским князем, за службу на границах империи получившим 3 города на Дунае – Б. Рыбаков обнаружил данное описание в «Тайной истории» Прокопия Кесарийского, но отнесённое тем к правлению последующего за Юстинианом императора Юстина 2-го.

Но далее в летописном обозрении обнаруживаются сле-

ды ярко выраженного соединения разных источников: в изложении закрепления Аскольда и Дира в Приднепровье Киев малознаемый «городок мал», платящий дань хазарам; но отмеченный «Угорской горой», близ которой были венгерские становища в период их пребывания в Причерноморской степи в период 840—892 годов... Уже это исключает «Олегово явление» на Днепре в 882 году: мощная военная организация Мадьярской Орды предполагала и крупную военную кампанию по вхождению «руси» в этот район, между тем летопись полностью об этом умалчивает. К сожалению, Д. Иловайский, в одном частном исследовании, обращённом против «норманизма», и установив, что имя «первого исторически достоверного древнерусского князя Игорь» производимо не только от скандинавского «Ингвар», но и от финно-угорского корня «Игг»/«страшный, ужасный», что подтверждается чётким различием имясловий «Ингвар» и «Игорь» в древнерусской практике, как-то прошёл мимо этой очевидной политической привязки; как и того устойчивого союза его сына Святослава с венграми во всю Балканскую кампанию 968—971 годов; как же и такой этнографической детали, что и Святослав, и его венгры-союзники носили на бритых головах «оселёдцы», только венгерские вожди по три, а русский князь-герой два... По итогу прописать историю «Угорской Руси» маститый мэтр воздержался, т.к. уже написал историю «Руси Гунно-Болгарской» – до времени уклонимся от завлекательно блазнящего обследования.

Впрочем, летописец всё же вписывает в этот сумбур одну военную кампанию: под 882 годом он утверждает победоносный речной поход Олега через Смоленск и Любеч, завершившийся малой кровью, предательским убийством вполне суверенного местного правителя Аскольда «у Угорской горы». Последнему же русский летописец приписывает выдающийся поход 860 года на Константинополь – византийские источники, много повествующие об этом событии, и даже о крещении князя-предводителя руссов, что подтверждается созданием особой «Русской епархии», существовавшей в 868—896 годах, ни языческого, ни христианского имени русского князя не сообщают.

Вернёмся обратно в летописное лоно – по русской поговорке: Верить не верь, но врать не мешай» – что следует по смыслу (кажется, никто в это не вдумывался) из слов Олега о Киеве, что будет-де «Матерью городов русских»?

– Что их ещё нет, их следует наплодить? Но это противоречит как действительности в широком смысле: в ближайшем окружении по Правобережью Днепра стоят древние Плеснеск, Искоростень, Пресечен, иные из которых восходят уже к временам державы Атиллы (Плеснеск по оценкам ряда исследователей); а в узком смысле опрокидывает и собственное утверждение летописца о северном истоке «руси», грады которой Новгород и особенно Ладога существовали ранее, и даже много ранее Олеговой «Матери», и из которых он, в возвышении комического, к тому же и сам появился.

– Что это относится к новостроям некой «руси», которая вошла клином в Днепровское средостение и теперь в нём укореняется? Да, в прямой связи с Киевом в это время появляются и другие известные центры Древней Руси: Чернигов, Переяслав Южный...

– И в какую этническую общность «у Боричёва взвоза близ Угорской горы» вселяется эта «русь»? Среди венгерских станов, которые снимутся только в 892 году? Или исторической северы-«волынцевцев», которые уже к 9 веку выходят на Левобережье Днепра и начинают переходить на Правобережье в районе Киева, пребывая в непримиримой вражде с кочевниками, хазары те или угры?

– И что это за «русь» такая, что ни с Волхова, ни с Днепра, равнодушная к Новгороду и сторонняя Киеву? При существенном отличие: Новгород у летописца БЕЗУСЛОВНО ПОСТРОЕН «РЮРИКОМ», т.е. как бы выше по династической сопричастности – но Киев существует уже ранее самого «Рюрика», существует как «городок мал» уже до него т.е. выше по иерархии старшинства... И ЧТО РЕШИТЕЛЬНО РАСХОДИТСЯ С АРХЕОЛОГИЕЙ... Летописное основание Рюриком Новгорода и/или исход оттуда Олега решительно привязывает «русь» к Новгороду/ (у норманистов к Старой Ладогe), но этому решительно препятствует традиционная оценка самих новгородцев, вопреки летописцу они именовали «Русью» не Новгородчину, а юг, будь то Старая Русса или Киев – всё «ехать в Русь». Касаясь же переименования

«руси» на более древнюю Ладогу/Адельгьюборг у норманистов (Д. Мачинский), следует отметить, что это уже переделка оценок летописи: в глазах летописца она всегда представляла пограничную крепостцу, разменную монету при княжих посадках, в отличие от значимости в сагах не возвышала, а принижала её правителя, как безусловное место вассала – и в представлениях автора ПВЛ «Рюрик» становится из объекта субъектом Руси только переместившись/построив Новгород. Это вполне согласуется с малыми размерами городища Старой Ладogi на всём протяжении её истории.

...Как частное примечание: во всю историю Древней Руси 10—13 века она какая-то сторонняя Древнерусской государственности: тесно привязанная к балто-каспийскому Волжскому пути международной торговли, от которого к Новгороду только боковой и неудобный ход в верх против Волхова, она, тем не менее, никогда не преобладала над ним, стала заставой-приступочкой в 11 веке, и полностью потерялась в лучах его расцвета в 12-м... И не этим ли обстоятельством объясняется «переписывание» с 12 века «ладожского» стола Рюрика ранних списков в «новгородский» – в представлении летописцев Ладога, никогда не бывшая «стольным градом» (это как-то постоянно умалчивается, при том, что и не опровергается), только условно-служебное держание или разменная монета при брачных и союзнических коллизиях, что никак не соответствовало летописному «статусно-княжому Рюрику». Приходилось прикрывать поздней-

шим, 12-го века, «Новгородским столом» его столь противоречащее утверждённой легенде исходное худородство, бросающее тень уже и на весь род...

Более историчен материал летописца, если не к «Новгороду», то к «Северу» в целом, в сообщении о каком-то внутреннем конфликте, приведшем к насильственному изгнанию «первых варяг» около 860 года: на городище Ладоги обнаружены следы разгрома и пожара поселения именно в этом году по предельно точным данным дендрохронологии; следы уничтожения поселений на территории древних селища в Пскове и Холопьем городе на Волхове, относящиеся к 860+/-1 год это также свидетельствуют. Впрочем, уже сам летописец Начального свода пребывал к заметном затруднении, как разделить «плохих» первичных выргов-860, от вторичных «приглашённых» рюриковых-862... Любопытно, что изображая «варяжское» Трёхградье Северо-Западной Руси, летописец допустил по меньшей мере 2 ошибки: из «Новгорода, Белозера и Изборска», что делят между собой «Рюрик, Синеус и Трувор», Новгорода ещё не существовало, Белозеро никогда не входило в состав исторической Новгородской Государственности даже в предельное её расширение до Северного Урала в 13—14 веках, и только Изборск более или менее историчен, но как-то странно: находясь в его округе кельтские христианские кресты, по возрасту одновременные городу – в ряде оценок более ранние, чем само его Труворово городище – как-то мало совмести-

мы с несомненно языческой «русью» Рюрика. Давно следовало бы обратить внимание и на особое этимологическое значение имени города Третьего Брата, от слова «избор»/выбор/избранный – в статусном значении оно выше всех, «избранный», кроме всех прочих, даже и в их составе. Освободившись от некой инерции начитанного сознания можно сразу отметить, что с точки зрения каких-либо выгод он самый неудобный по расположению к главному магистральному пути региона р. Великая – Псковское озеро – Тёплое озеро – Чудское озеро – Нарова – Финский залив, т.е. торговле, политике, росту и исторически реализовался как юго-западный форпост к Пскову, подобно Гдову, сознательно основанному с этой целью на северо-западе; т.е. как обеспечение пограничья иного субъекта, до которого ещё станется ждать не менее столетия. Единственный смысл его начального выделения представляется безотносительно сакральный, более отодвигающий от людских интересов. Представляется, что известный Печорский монастырь был основан (усл. дата 1392 год) недалеко от него уже «на намоленной земле».

Впрочем, стоит обратить внимание и на последующую историческую практику: Изборск и Ладога, как и более поздние Гдов и Орешек, были естественными городами-заставами, и свидетельство о «Рюриковой» Ладоге ранних списков ПВЛ хорошо коррелируется с «Труворовым» Изборском, как местом пребывания приглашённых наёмников – но в резкое отторжение от всегда стороннего Белозера, при-

сутствующего в тексте какой-то важной летописцу сторонней декларацией, вполне очевидно недостоверной для его современников 12 века, как и ныне. Последнее обстоятельство вынудило Д. Мачинского изобрести более близкий дериват на юго-западном берегу Ладожского озера близ устья Свири, в отношении которого следует заметить: во всю эпоху существования ПВЛ исследователи вслед за читателями, пребывали в полной уверенности, что всё же «Нестор/Сильвестр» имел в виду вполне материальное Белозеро на одномимённом гидрониме... Налицо историографический облом летописцем какой-то реальной коллизии в угоду проводимой им концепции преобладания Волховского-Ладожского региона на русском севере, всё более очевидный по мере преимущественного лингвистического и археологического обследования Русского Севера и Верхневолжья. Вот только когда был совершён это «обрезание»?

Вполне правомерно связать его с утверждением канонического текста ПВЛ при Мстиславе Великом в 12 веке, закрепившим догмат о единовластии Ярославовой линии Владимировова рода, в целом никогда не признаваемый, например, Рогволодовой династией Полоцких князей, восходившей к Рогнеде и её сыну от Владимира Святого Изяславу... Для Ярослава было особенно важно поднять до Великокняжеского уровня пограничный Новгородский стол, в котором он трижды спасался: от Отца, от брата Святополка (дважды) и не смел выйти при знаменитом брате Мстисла-

ве – и лишь загадочно преждевременная смерть последнего утвердила Ярослава на Великокняжеском столе и гегемонию престолонаследия по Ярославовой линии. Заворожённые каноническим текстом ПВЛ историографы и по настоящее время не замечают более чем 20-летнее разделение Древнерусской государственности в 1015—1036 на Великокняжеский Киевский стол (Святополк – Мстислав) и Новгородский удельный (Ярославов), с которого владделец трижды безуспешно покушался на Великокняжеский; в 1023—1036 годах не смея появляться в Южной Руси. Вот любопытно, кто отвоевал в 1030—31 годах Червенские города на Волыни, Ярослав, сидевший в Новгороде малоспособный полководец – или знаменитый воин, князь-герой Мстислав, никогда не покидавший Южную Русь со столами в Чернигове и Тмутаракани, при том, что в Киеве «наместничал» Бречислав Полоцкий, поменявшийся «на срок» столами с Ярославом... Летопись утверждает, что Ярослав «с братом Мстиславом» – но почему-то кажется, что Мстислав, но без брата, или, на худой конец, с Брячиславом. Если вглядываться в обстоятельства сверх летописных комментариев, которые как-то очень близки Прутковским: «Если на клетке слона прочтёшь надпись „буйвол“, **не верь глазам своим**», то явственно возникает картина деления Руси меж братьев не по меридиану Днепра, а по широте Припяти – Десны – Оки, при этом победителю Юг, побеждённому Север, Киев в общеродовом праве... И в отчётливом обозначении ро-

лей: старейшему Ярославу старшинство в роде, сильнейшему Мстиславу богатейший домен и ожидание Ярославова конца – а по тому сроку и главенство на Руси... Мощнейшая вспышка внешнеполитической активности, исходящая от Южной Руси, (походы 1029 года на ясов, 1030—31 годов на Червенские города, 1031 года экспедиция на Каспий и в Византию, 1032 года в Арран, 1033 года в Дербент) и полное замалчивание в летописи всех тех, в которых Ярослав географически не мог участвовать, и при подозрительной делёжке «пополам» Червенской кампании, выразительно свидетельствует, кто был на их руле. Как и то, что государственная политика явственно колетса на «се́мо» и «ова́мо» составляющие – и каждый сам за себя...

Что делает Ярослав лично от себя?

Основал Ярославль (на языческом капище с медведями), завоёвывает «западную чудь» и основывает на их землях Колывань (Таллинн) и Юрьев (Тарту), строит Ростов в пику древнему племенному центру, ныне известному как Сарское городище, утверждает христианство в Старой Рязани строительством Троицкого собора рядом с языческим капищем

Т.Е.РАСШИРЯЕТ СВОЙ ДОМЕН НА ЗАПАД и ВОСТОК, УКРЕПЛЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ИМЕЕТ... Но вот что интересно: только в Прибалтике летопись отмечает наличие военной кампании – в отношении Рязани, Ярославля, Ростова утеснение языческих святилищ строительством христианских церквей с вполне сказочным сюжетом о собствен-

норучном побивании «священных медведей» хилым князем-хромцом. Налицо не военная кампания в чужой стране, а христианизация давних собственных провинций, при этом на достаточно позднем этапе, так что христианскому воеводе Яну Вышатичу пришлось подавить социальный бунт низов, происходивший под языческим обличем, даже в 1071 году. Официальное двоеверие сохранялось на этих территориях вплоть до 12 века (наличие одновременно и христианских и языческих святынь в Рязани, Ростове...) – ничего подобного крещению Новгорода «Добрыниным Огнём и Путятиным Мечом» в 989 году... Уже это в совокупности предостерегает связывать перипетии Верхне-Волжского региона к Волховско-Ладожским даже для 11 века – тем более для 9-го.

Для наших целей существенно различие Лаврентьевского и Ипатьевского списка ПВЛ о закреплении «Рюрика» на севере. Первый, позднейший и канонизированный: «Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам

своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.